

небо... и рекох сице: „Господи, дай ми лов днесь... и аз ти... поставлю крест...“. Крестьянин рассчитывает тотчас же увидеть результаты своих слов и сразу меняет объект наблюдения: «И егда дал обещание богу, зря на небо, как сведох очи мои с небес на землю, и начах очима моима обзирати около себе сюду и сюду, зря лова какова-либо, ми посланнаго от бога» (241—242).

Молитва автора неизменно сопровождается стереотипным описанием того, как он смотрит на образ или на крест: «погляжу умиленно на крест», «И паки возведу очи мои на образ», «аз же тогда умиленно возведу очи», «аз умиленно погляжу на образ» (252).

Большое внимание уделяет автор описанию своих внутренних состояний. Эти описания строятся по тому же принципу изображения внешних проявлений его чувств. Делается попытка изобразить развитие этих чувств в виде эмоционального процесса, начало которому дается «сердечным» толчком и который затем реализуется в соответствующих случаю внешних физических проявлениях. Так, автор входит в келью, где «бес живет»: «И нача сердце мое трепетатися во мне, кости и тело дрожати, и власы на главе моей востали». Заключается эта картина обобщающей характеристической собственного состояния: «... и нападе на мя ужас велик зело» (232). По такой же схеме изображается скорбь автора, увидевшего обгоревшую келью: «... и вострепета во мне сердце мое, и потекоша от очей моих слезы на землю...». Затем, как и в первой картине, следует вывод: «... и нападе на мя печаль великая» (233).

Древнерусской литературе, в частности житийной, не было еще свойственно описание переходных и уравновешенных психологических состояний человека. Если психологические состояния и становились иногда предметом литературного изображения, то лишь в своих наиболее напряженных проявлениях. В соответствии с этим и в описании Епифания его внутренняя жизнь движется резкими эмоциональными толчками. Обуревающие его чувства и настроения сменяются по принципу контраста: с одной стороны, это страх, печаль, скорбь, с другой — торжество, радость, веселье. Бес чуть не задушил автора, и «он со слезами начах глаголати с великою печалию ко образу... богородицы». Молитва была услышана и автор тотчас «обретохся вместо печали в великой радости» (235—236); в другом случае также «обрати ми ся печаль в радость» (233). Такому же принципу следует изображение быстрой смены настроений вслед за сменой физических состояний: «преста рука моя боleti и от сердца моего отъиде тоска, и радость на мя найде» (249); «а рука не болит, а сердце радуется» (249).

Такое контрастное изображение переживаний, мгновенно переходящих из одной крайности в другую, типично для житийной литературы с XIV—XV вв.⁴⁸ Столь же традиционно для нее и описание религиозных переживаний как определенных состояний «сердца» (его пожара, свечения и т. п.). Например, Авраамии Смоленскому «свет восия... в сердцы от бога»,⁴⁹ Евфросин Псковский «тако распалив сердце свое рвньным пламенем... любовию по бозе»,⁵⁰ у Мартирия Зеленецкого «великий пламень в сердцы... возгореса» и «огнь желания в сердцы его возгореса». ⁵¹ Даже при одном только чтении жития святого (Кирилла Белозерского) «сердце» человека (боярина Морозова) осветилось, «яко некоею зарею пресветлоу,

⁴⁸ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 106—107.

⁴⁹ Жития Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. СПб., 1912, стр. 17.

⁵⁰ Житие Евфросина Псковского, стр. 23.

⁵¹ Повесть о Мартирие..., стр. 61, ср. стр. 59.